

Т.Г. Сердюк
**Специфика анализа типического
 в историческом нарративе**

В историческом познании с точки зрения различных методологических подходов одно и то же реальное событие может выступать как достойное описание и научного анализа или недостойное этого. Исторические исследования, как правило, посвящены тем событиям и явлениям, которые считаются типическими. Возникают вопросы: что есть «типическое» и можно ли его определять как «распространенное», «нормальное» или «среднестатистическое»? Если «типическое» – это явление или событие, наиболее ярко воплотившее в себе характерные черты эпохи [1, с. 138–144], то прежние определения оказываются несостоятельными, так как данная дефиниция исключает понимание типического как «обычного» и «среднестатистического». Следовательно, обнаружить типические черты исторической эпохи возможно не только в распространенном, но и в уникальном явлении, которое крайне редко становится объектом исторического исследования.

Интерес к уникальности и многозначности исторических событий и явлений проявляется в первую очередь в нарративных исследованиях, использующих научную и художественную типизацию как основной методологический инструментарий. В. Моммзен отмечает, что в последние десятилетия «мы наблюдаем обратное движение маятника к нарративным формам историописания, и одновременно обновляется достойное глубокого уважения классическое искусство литературного изображения» [2].

Традиционное толкование нарратива связано с повествованием, неопределенностью знания и домыслом, т.е. нарратив – это вербальная реконструкция событий прошлого, обеспечивающая эффект присутствия [3]. Однако в современном понимании нарративное изложение исторического материала нельзя рассматривать только как описание (повествование). Главная задача нарративного исследования состоит в анализе индивидуальных образов событий и явлений при максимально возможном отвлечении от субъективного влияния источника. Вследствие использования историком метода авторского конструирования, или «драматической реконструкции», его исследование приобретает необычное для научного труда содержание, типические образы, синтезирующие в себе научную и художественную типизацию, приобретают особую витальность и эмоциональность, становятся более адекватными исторической реальности.

Решение проблемы соотношения типического образа в нарративе и его эмпирического референта подчинено решению общей проблемы соотношения исторического нарратива и реальности и оказывается зависимым от той цели, которую преследует исследователь.

Нарратив в современных исторических трудах предстает синтезом нескольких форм изложения: позитивистской, эвристической и повествовательной. Первая дает возможность следовать эмпирическому изложению, делая акцент на единичном и избегая широких обобщений. В этом случае типический образ содержит в себе минимум авторской интерпретации. Вторая форма позволяет реализовать исследовательский пафос в раскрытии смыслов исторического события, типический образ обростаёт индивидуальными характеристиками, возрастает значение художественной типизации в его содержании. И, наконец, третья форма требует наряду с наглядностью и эмоциональностью изложения обобщения материала в типических образах выбора определенного научного и литературного стиля: если автор пытается ответить на вопрос «как произошло историческое событие?», то историческое исследование будет развивать дескриптивный нарратив с соответствующими ему языковыми конструкциями, выясняющий все возможные варианты изложения или интерпретации события, и в этом случае один референт может быть отражен в нескольких типических образах. Например, одна из глав книги Ж. Ле Гоффа «Святой Людовик» названа «Сотворение образа короля в исторической памяти: существовал ли Святой Людовик?» [4], где ставится проблема конструирования образа короля в средневековой письменной традиции. Автор отмечает, что образ варьируется в различных сочинениях, причем, не столько из-за временной дистанции, сколько из-за специфики целей, идеологических, культурных и жанровых установок. Традиционная топика, литературные и риторические каноны предопределяли существенные различия персоны Людовика как героя агиографических текстов, хронистики или биографии короля. Парадокс, но чем больше источников, тем меньше вероятности приближения к исторически достоверному образу: каждый источник давит на исследователя своей субъективностью. Проблема приближения типического образа короля к реальному Людовику не только не решается, но автор демонстрирует распад

типического образа с появлением каждого нового источника или его интерпретации.

Иной тип нарратива требуется, если звучит вопрос «почему произошло?», так как возникает установка на проникновение в мотивацию действий исторических лиц и анализ генезиса события, а следовательно, переключение с дискретной типизации на генетическую (диахронную) [5, с. 142]. Таким образом, типическое, представленное нарративным исследованием, сохраняет свое онтологическое содержание и реализует свой гносеологический потенциал во всех трех аспектах.

Событие в нарративной истории не возводится к некоей закономерности, навязывающей историческому факту заранее определенный смысл, поэтому связывать типические образы в историческом нарративе с повторяемостью нельзя. Трактовка смысла события возникает в контексте рассказа о событии. Нарративная структура сама творит реальность, в процессе исследования снимается всякий запрет на ассоциативность. Историческое повествование должно быть рассказом с открытым финалом, утверждает Л. Гриффин [6, с. 111].

Примером многозначности события может служить изложенный Р. Дарнтоном исторический казус «казни» хозяйской кошки подмастерьями в Париже накануне буржуазной революции, который автор ставит в один ряд с другими, несомненно, более значительными событиями [7]. «Великая казнь кошки» заставляет пересмотреть многие стереотипы в методике исследования Великой французской революции. Сословные характеристики, в которых большинство исследователей пытаются отразить типические черты повседневной жизни, — это, как правило, показатели социологического плана: уровень жизни, продолжительность рабочего дня, заработная плата, рента, социальный статус. Найти сквозные для сознания различных социальных слоев проблемы, ставшие предпосылкой Великой французской революции, оказывается сложно, особенно если историк находится в шорах заранее определенного круга источников.

Итак, возможно ли обнаружить типические черты жизни французского общества в нелепом казусе казни хозяйской кошки?

Анализируемое событие толкуется Р. Дарнтоном как косвенное отражение социальной напряженности в отношениях между подмастерьями и семьей мастера. Причина этому — в общей тенденции понижения социального статуса подмастерьев в XVIII в. До этого времени «отношение мастера к подмастерьям и ученикам носило семейный характер: они входят в семью со всей своей индивидуальностью и охватываются ею во всех проявлениях своей жизни. Все ее члены находились под покровительством мастера, образу-

ют с ним единое целое, все равно как дети и родители» [8, с. 60–61]. Утверждаются новые социальные отношения, подмастерье становится обычным наемным работником, которого мастер не обязан обеспечивать жильем, а тем более садить за свой стол. «Типическое настоящее» приходит на смену «типическому прошлому», а поскольку избавиться от стереотипов последнего человек не может, его протест сублимируется в неординарный поступок. Казнь хозяйской кошки — это компенсаторская реакция, символический эквивалент социального протеста. Автор исследования выделяет несколько архаических культурных стереотипов, которые отразились в акте казни кошки: от шаривари до символического насилия над хозяйской. Наконец, казнь наряженной кошки, с точки зрения подмастерьев, — это просто весело, и они спустя много лет вспоминают об этом со смехом, что говорит о достаточно примитивном чувстве юмора героев.

Обозначенные «смыслы» события не исключают, а дополняют друг друга. В целом же приведенный эпизод из жизни двух парижских подмастерьев становится существенным для воссоздания типических черт ментальности французских городских низов накануне Великой французской революции. Исследовательский пафос возникает не только у автора, но и у читателя, который пытается из прочитанного извлечь свой собственный смысл.

Нарративная история наряду с утверждением многозначности исторических ситуаций сосредоточила свое внимание на действительно *уникальных* событиях, которые ни в деталях, ни в общих чертах не могли бы повториться в другом месте и в другое время, а, значит, по мнению многих исследователей, не могли бы претендовать на типичность. Уникальное событие обнаруживается на фоне общеизвестного исторического материала как бы случайно: в какой-то момент историк обращает внимание на то, на что не обращали внимания другие. В этом смысле нарративное описание является разновидностью дискретной типизации и сближает историческое исследование с творческим актом художественной типизации.

Документальной основы у такого события, как правило, мало, но общепринятое мнение, что приближение к достоверности напрямую зависит от увеличения количества используемых источников, как мы видим, не подходит для нарративного исследования. Доказательством тому может служить микроисторическое исследование «Сыр и черви» Карло Гинзбурга (Турин, 1976), который отыскал дело мельника по прозвищу Меноккио, осужденного инквизицией и сожженного на костре почти одновременно с Джордано Бруно. Мельник считал, что во Вселенной, которую сотворил Господь,

завелись живые существа так же, как в сыворотке, из которой изготавливается сыр, заводятся черви [9, с. 244]. Присущий нарративному исследованию анализ неповторимого, из ряда вон выходящего случая показывает своеобразие мышления необразованного человека, который овладел грамотой, попытался создать свою индивидуальную картину мира и поделился своими мыслями с окружающими. Это единичный исторический факт вызывает интерес историка тем, что в нем раскрывается явление типическое: механизм восприятия мира и научных знаний простолюдином. Перед нами тот случай, в котором уникальное может действительно стать способом приобщения к пониманию более распространенного и типического.

Уникальное событие, в котором, с одной стороны, обнаруживаются глубинные историко-культурные процессы, а с другой стороны, содержится готовый литературный сюжет, исследуется Н.-З. Дэвис в «Возвращении Мартена Герра» [10].

Автор, используя метод авторского конструирования действительности, анализирует уникальный случай самозванства в крестьянской среде, который послужил основой для одноименной пьесы и двух киносценариев. Она обстоятельно характеризует нравы, обычаи, культуру французских крестьян XVI в., вживаясь в образы героев, детально представляя себе их мир, скрупулезно интерпретирует мотивы их поведения. Историк, находясь в рамках нарративного метода, не боится слов «вероятно» или «это могло быть результатом» в тех случаях, когда источники не содержат ответа на поставленный вопрос, т.е., с точки зрения традиционной науки, использует недопустимый прием.

И вновь, как и в «Великой казни кошки», причины уникального события могут быть раскрыты только посредством анализа типических черт повседневной жизни французских крестьян XVI в.

Мог ли иной крестьянин попытаться устроить свою жизнь необычным и неожиданным образом, отойти от типически-распространенной жизненной схемы и позволить себе сделать небанальный выбор? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно проникнуть в мир крестьянских мироощущений и основанных на них стереотипах традиционного и девиантного поведения.

Насколько типично было для баскских крестьян без видимых причин менять место жительства? Переезд отца Мартена из Басконии в графство Фуа казался необычным поступком: пришлось продавать земельный надел, а обладание семейным наделом было для баскских крестьян очень значительно. В то же время М. Монтень говорил о любви басков к перемене мест, а Ф. Рабле писал, что у Гаргантюа был лакей из басков. Таким образом, можно по-

разному толковать ценностные приоритеты баскских крестьян.

Насколько типично было обращение крестьян в суд для разрешения гражданских дел, тем более между родственниками? Н.-З. Дэвис без комментария приводит пример, как одна замужняя женщина из Ле Фосса обратилась в суд с иском против соседки не только за то, что та ударила ее во время ссоры, но и потребовала осуждения за то, что она обозвала ее «клушей». Подобный прием дает возможность читателю самому сделать вывод из исторического документа.

Было ли в редкость обитателям деревень и городов XVI в. менять свое имя и привычный образ жизни, принимать образ другой личности? В каком-то смысле это происходило сплошь и рядом, утверждает Дэвис: Дагерры, переехав в другую область, стали Геррами и были вынуждены жить новой жизнью, приспособившись к новым стереотипам поведения. Изображать «другого» с одобрения окружающих на карнавалах, мистериях или «кошачьих концертах» – явления из разряда «типического распространенного». Бывали случаи и менее бескорыстного притворства: здоровые нищие прикидывались хромыми или слепыми, некоторые люди назывались чужим именем, чтобы получить наследство и т.д. В данном случае самозванец вышел за пределы «типического распространенного» – он захотел стать *другим* человеком и начать новую жизнь не просто меняя что-то в себе, а выдавая себя за другого, вводя в заблуждение окружающих. Гиперболизируя типические обстоятельства, Мартен Герр совершает нетипичный поступок.

Главная героиня – Бертранда де Ролс – представляет собой крайне противоречивый образ: она сознательно демонстрирует внешнюю линию своего поведения в суде – очень типичную для деревенской женщины. Сознательная ориентация на типическое поведение – признак уверенной самоидентификации и способности вычленить это типическое в окружающих, что является несвойственным для крестьян и крайне редко встречается даже в макроисторических исследованиях об исторически значимых личностях. Внутреннее самоощущение героини – очень индивидуально: провинциальная, скорее всего, неграмотная деревенская женщина оказывается незаурядной личностью, обладающей, несомненно, аналитическим умом и способностью к ориентации в нестандартной ситуации.

Н.-З. Дэвис отличает редкое умение так емко прочесть единичное, что в нем раскрывается богатейший исторический контекст эпохи. В отличие от прежних безуспешных попыток соединить литературное повествование и историческое исследование, в которых авторы позволяли себе не толь-

ко «домысел», но и «вымысел», «метод авторского конструирования» исторической реальности, используемый Н.-З. Дэвис, не выходит за рамки документированной событийной основы и строго научной процедуры ее разработки, что является главным требованием метода «*драматической реконструкции*» в современных исторических исследованиях. Метод предполагает междисциплинарный подход, сочетание художественной и аналитической интерпретации события, поэтому именно в нарративе происходит максимальное сближение исторического исследования и литературного произведения, художественного и типического образа на основе многозначности и уникальности события. Это позволяет заполнить существенный пробел в исторических исследованиях,

так как историк, акцентируя свое внимание на повторяющихся событиях либо на общем в единичных явлениях, как правило, оставляет за пределами исследования уникальное, необычное, отождествляя его со случайным.

Таким образом, представление о нарративе только как историко-описательном методе в настоящее время несостоятельно. Цель исторического нарратива – доказать, что с точки зрения типического в истории нет незначительных событий. Реконструкция прошлого, осуществляемая в форме нарратива, является альтернативой обезличивания и схематизма в истории, так как исследование разворачивается в той плоскости, где историческая реальность отражается в виде индивидуальных типических образов.

Литература

1. Сердюк Т.Г. Об определении категории «типическое» в исторических исследованиях // Известия АГУ. 1999. №4.
2. Mommsen W.J. Die Sprache des Historikers // Historische Zeitschrift. 1984. Bd. 238. N. 1.
3. Лооне Э. Современная философия истории. Таллин, 1980.
4. Le Goff J. Saint Louis: Bibliotheque des Histoires. Paris, 1996.
5. Сердюк Т.Г. Об определении категории «типическое» в исторических исследованиях // Известия АГУ. 1999. №4.
6. Петренко Н.С. К проблеме нарратива в методологии истории // Философские науки. 2000. №1.
7. Darnton R. The Great Cat Massacre and other Episodes in French Cultural History. New York, 1984.
8. Зомбарт В. Пролетариат. СПб., 1907.
9. Гуревич А. Я. Апории современной исторической науки – мнимые и подлинные. М., 1999.
10. Дэвис Н.-З. Возвращение Мартина Герра. М., 1990.